

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-4-5-14

УДК 625.1(094)(470)«1914 /1918»
ББК ТЗ(2)-534-68-234(28-8)

С.Н. БЛИНЯЕВ

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ И САНИТАРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЫТА ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАНСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: военнопленные, Первая мировая война, Казанская губерния, Симбирская губерния, материально-бытовое положение, санитарно-гигиенические правила, вещевое довольствие, продовольственное обеспечение военнопленных.

Публикация приурочена к 110-й годовщине начала Первой мировой войны и посвящена проблемам военного плена, которые в связи с серьёзными геополитическими изменениями на международной арене, связанными с проводящейся на Украине специальной военной операцией и войной на Ближнем Востоке, приобрели особую актуальность и привлекли пристальное внимание мировой общественности.

Цель исследования – рассмотреть вопросы, связанные с политикой местных властей по исполнению руководящих предписаний центра в отношении материально-бытового содержания и продовольственного обеспечения военнопленных на территории Казанской и Симбирской губерний в годы Первой мировой войны.

Материалы и методы. Аспекты вопроса исследованы на основе неизданных архивных документов Государственного исторического архива Чувашской Республики, Государственного архива Ульяновской области, информационных материалов тематического сборника документов Государственного исторического архива Чувашской Республики 2014 г. и научных работ отечественных историков. При разработке проблемы были использованы общесторические методы анализа и обобщения и специально-исторические методы (историко-сравнительный, структурно-функциональный, проблемно-хронологический).

Результаты. Анализ материалов тематического сборника и архивных документов позволил увидеть различные аспекты организации местными гражданскими и военными властями материально-бытового содержания и продовольственного обеспечения австро-венгерских и германских военнопленных в годы первого мирового конфликта в пределах территориальных границ, административно входящих на сегодняшний день в состав Чувашской Республики. На примере Казанской и Симбирской губерний исследован вопрос вещевого довольствия, продовольственного обеспечения военнопленных и выработки санитарно-гигиенических правил для них. Указаны объективные причины и следствия ухудшения социально-бытового положения, материального обеспечения и пищевого довольствия военнопленных к концу Первой мировой войны, что было связано с общим негативным вектором социально-экономического и внутрисполитического развития России.

Выводы. Можно констатировать, что в контексте исполнения спускаемых сверху циркуляров местными властями были разработаны общие принципы материально-бытового содержания и продовольственного обеспечения военнопленных, которые прибыли на территорию Казанской и Симбирской губерний из центральных регионов Российской империи, и к концу 1915 г. реализованы усилиями исполнительных, распорядительных и военных органов местной власти, прежде всего аппарата Казанского и Симбирского губернатора, уездных воинских начальников, земских и городских управ. В условиях затянувшейся войны не всегда соблюдались нормы продовольственного питания и материального довольствия нижних чинов и офицеров вражеских государств,

но они были лучше, чем в странах Тройственного союза для пленных солдат русской армии. С целью профилактики заболеваний местные власти составляли санитарно-гигиенические правила для военнопленных. На территории Казанской и Симбирской губерний они привлекались к работам в сельском хозяйстве, частных мастерских, хозяйствах и в артельных отрядах региона, в связи с чем до конца 1916 г. сильно не голодали. Однако положение военнопленных напрямую зависело от экономической и внутривойсковой ситуации в стране. Её ухудшение привело к снижению уровня бытового обслуживания, качества жизни и материального довольствия пленных комбатантов на территории Казанской и Симбирской губерний.

Введение. Статья приурочена к 110-й годовщине начала Первой мировой войны и посвящена проблематике военного плена, которая в настоящее время приобрела особую актуальность в связи с проводящейся на Украине специальной военной операцией и войной на Ближнем Востоке. В публикации на примере Казанской и Симбирской губерний рассматриваются различные аспекты организации местными общественными, чиновно-бюрократическими и военными властями материально-бытового содержания, продовольственного обеспечения и выработки норм санитарного контроля в отношении австро-венгерских и германских военнопленных в пределах территории, административно входившей в годы Первой мировой войны в состав Казанского военного округа, а сегодня – в состав Чувашской Республики. Необходимо уточнить, что некоторые аспекты изучаемой проблемы, касающиеся материально-бытового положения пленных, были изучены в научных работах исследователей из Чувашии Ф.Н. Козлова и Т.С. Сергеева [8, 13].

Цель исследования – рассмотреть вопросы, связанные с политикой местных властей по исполнению руководящих предписаний центра в отношении материально-бытового содержания и продовольственного обеспечения военнопленных на территории Казанской и Симбирской губерний в годы Первой мировой войны.

Материалы и методы. Изучение исторической научной литературы, информационных материалов тематического сборника Государственного исторического архива Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР), посвящённых изучению проблематики материально-бытового положения и питания военнопленных в годы мирового конфликта и содержащих факты, которые характеризуют состояние и историю изучаемого объекта, способствовало созданию представления о предмете исследования, обнаружению пробелов в разработке избранного для изучения вопроса. Аспекты проблемы исследованы также на основе неизданных архивных документов фондов № 79 и 82 ГИА ЧР и фонда № 76 Государственного архива Ульяновской области (ГАУО). При разработке вопроса были использованы общеисторические методы анализа и обобщения и специально-исторические методы (историко-сравнительный, структурно-функциональный, проблемно-хронологический). Кроме того, методология работы базируется на сочетании основополагающих принципов историзма, объективности, системности и корректности в оценке фактов и развития.

Результаты исследования. Затягивание войны со странами Тройственного (затем Четверного) союза привело правительство императорской России и местные власти к необходимости правового регулирования положения военнопленных, организации их материального содержания, пищевого довольствия и выработки норм санитарного контроля для них. Ситуация осложнялась тем, что в места постоянного казарменного размещения пленные комбатанты

прибывали, как правило, в сильно изношенной обуви и одежде. Об этом свидетельствует «Акт комиссии при Управлении Ядринского уездного воинского начальника по осмотру состояния одежды, обуви и белья военнопленных нижних чинов» от 24 октября 1916 г. Согласно документу, из 20 военнопленных солдат, прибывших с 26 сентября по 17 октября 1916 г. в г. Ядрин из Симбирского местного лазарета «по излечении и снятия с работ», оказалось: а) не имеющих шинели – 8, курток – 3, шаровар – 5, сапог – 8 человек; б) имеющих по одной нательной рубашке и одним «исподним брюкам» – 19 человек и в) имеющих совершенно изношенные по одному «утиральнику» и по одной паре портянок – 19 человек [6. Д. 1042. Л. 33].

Пленным, не имеющим сапог, надлежало выдавать лапти с портянками длиною 3 аршина пара. Выдача недостающих предметов гардероба, обуви и белья производилась с фиксацией в специальной «Книге Управления уездного воинского начальника на выдачу военнопленным нижним чинам белья, одежды и обуви» [3. Л. 6]. Часто обувь и одежда для пленных приобреталась у частных производителей, работавших по заказам военного ведомства. Так, в конце октября 1916 г. для 123 военнопленных, привлечённых к сельскохозяйственным работам в Алатырском уезде Симбирской губернии, в Казани была закуплена партия бракованной одежды и обуви удешевлённого типа: 225 меховых бракованных пиджаков (штук), 100 пар бракованных валяных сапог, 200 штук валяных стелек и 450 пар носков и чулок [11. С. 281; 9. С. 13].

Кроме того, распоряжения казанского губернатора предписывали земским управам организовывать склады «однообразного белья, платья и обуви», из которых местные землевладельцы могли бы получать этот ассортимент продукции для военнопленных, находящихся у них на работах. Обувь предполагалось приобретать из Общественной сапожной комиссии Губернского правления, где бракованная продукция имела в достаточном для удовлетворения потребностей пленных количестве [5. Л. 58–58об.]. Отношением Главного интендантского управления от 11 февраля 1916 г. окружному интенданту Казанского военного округа «ввиду все более ощущаемого недостатка в кожах для шитья сапог на армию» было предписано вообще прекратить выдачу военнопленным кожаных сапог и пользоваться для этой цели «исключительно обувью, непригодной для похода, как то: ичиги, опанки, патсулы, также лапти» [11. С. 426]. Из приведённых выше документов видно, что имперское правительство и губернская администрация предпринимали различные усилия для разрешения нараставшей проблемы содержания многих тысяч военнопленных [2. С. 351].

Необходимо отметить, что материально-бытовые условия проживания военнопленных определялись особыми санитарно-гигиеническими правилами содержания, которые разрабатывались губернскими и уездными властями для профилактики заболеваний среди пленных комбатантов в местах их казарменного размещения. Например, 23 января 1916 г. такие правила были составлены чебоксарским воинским начальником Г.П. Слюсаренко и вывешены для военнопленных нижних чинов, состоящих при чебоксарском уездном воинском управлении [11. С. 175]. Регламент хорошо иллюстрирует меры профилактики заразных инфекционных заболеваний.

Для соблюдения образцовой чистоты в казармах воинский начальник приказывал: 1) ежедневно места полы сырой метлой и протирать их шваброй, смоченной горячей водой, а мусор собирать в особый ящик и сжигать его в печи или выносить в выгребную яму; 2) нары и полы один раз в неделю мыть сначала

горячей водой и протирать с песком, а затем горячим щёлоком (для приготовления – в кипятки бросается горячая зола); 3) два раза в месяц нары и полы перед мытьём должны обрызгиваться из гидropульта горячей смесью из чёрной карболовой кислоты, зелёного мыла, керосина, неочищенного скипидара и воды, а затем мыться по изложенному правилу; 4) стойки и места прикреплений к ним досок, щели в стойках не протираются и не моются, а оставляются намоченными жидкостью, так как это приводит к уничтожению клопов; 5) во время мытья полов зимой обязательно топить печи; 6) все помещения ежедневно проветривать, для чего необходимо чаще открывать «форточки», а во время ухода людей на обед и прогулку – окна (строгое наблюдение за этим возлагается на дежурных и дневальных); 7) сушить белье, а тем более мыть его в казармах воспрещается; 8) соломенные маты ежедневно выносить во двор, выколачивать палкой и оставлять зимой на морозе, а летом на солнечной стороне (при появлении паразитов опрыскивать указанной жидкостью); 9) воду пить исключительно кипячёную, при этом достаточное её количество должно быть всегда в кадках, запираемых на замок [11. С. 175–177, 442].

Согласно правилам, нарушители указанного регламента должны были подвергаться строгим наказаниям. Непосредственное управление санитарной частью военнопленных осуществлял врач приёмного покоя Н.С. Петров, которому помогали фельдшер и два санитаря, руководившие уборкой и дезинфекцией помещений [7. Л. 60–61; 11. С. 442].

С прибытием первых пленных на территорию Казанской и Симбирской губерний местными властями стала выстраиваться система их содержания всеми видами довольствия, которая к концу 1915 г. приобрела черты чёткой централизации и строгого бюрократического исполнения. В начале мировой войны пайковое содержание военнопленного в сутки составляло 2 фунта хлеба (819 г), 24 золотника крупы (102,4 г) и четверть фунта мяса (102,4 г) (1 фунт равнялся 96 золотникам, или 409,5 г). Расходы же на лечение больных пленных должны были производиться в размере, определённом для соответствующих чинов русской армии [5. Л. 63–65].

15 июня 1916 г. командующим войсками Казанского военного округа, в который входили вышеназванные губернии, были утверждены «Правила содержания военнопленных нижних чинов в пунктах окружного водворения» и 10 июня того же года – «Правила для военнопленных офицеров». Они получили отражение в циркуляре главноначальствующего Казанской губернии П.М. Боярского уездным исправникам Казанской губернии «О нормах суточного продовольствия военнопленных нижних чинов и офицеров» от 24 августа 1916 г. Циркуляром и правилами была установлена продовольственная суточная норма в следующем размере: а) провианта – крупы 24 золотника (102,4 г), хлеба – 2 ½ фунта (1,024 кг); б) мяса (приварочного довольствия: свинины, баранины, солёной или свежей рыбы) – ¼ фунта (102,4 г), соли – 11 золотников (46,9 г), овощей – 60 золотников свежих (256 г) и 4 золотника сушёных, муки подболточной – 4 золотника (17 г), сала или масла – 5 золотников (21,3 г), перца – 1/6 золотника (0,7 г) и сахара – 6 золотников (25,6 г) в день на человека при условии довольствия их два раза в сутки горячей пищей и два раза в неделю обязательно постной [11. С. 262–263].

Одновременно с размещением военнопленных в регионах усугублялась проблема нехватки продовольствия в стране, в связи с чем нормы выдачи постоянно сокращались, а часть продуктов заменялась более дешёвыми, например, мясо замещалось в рационе питания пленных рыбой, салом или яйцами.

Иногда уменьшение рациона питания происходило в ответ на сокращения размера пайка для русских солдат в Германии и Австро-Венгрии. Для сравнения приведём данные пайковой нормы, полагавшейся русским военнопленным, находившимся на территории Германии. До середины 1915 г. выдача в день на человека составляла фунт хлеба (409,5) и суп с мясом. С июня 1915 г. дневная норма мясного пайка без хлеба (в ценовом выражении – 58 пфеннигов) для русских военнопленных состояла из: 100 г солонины в воскресенье, 120 г баранины в пятницу и такого же количества свинины в среду. Вместо мяса пленные получали 160 г сельди или кровяной колбасы к ужину, по разу в неделю 30 г консервов или свиного сала, 2 раза в неделю 150 г вяленой или солёной рыбы [10. С. 168].

К сожалению, германская норма питания при полноценности продуктов, входящих в неё, была только терпимым минимумом. К тому же многие питательные продукты очень часто заменялись на их суррогаты. За годы войны из каждых 100 русских пленных умерли 8 [10. С. 186–187]. Официальные оптимистические цифры не всегда совпадали с реальной жизненной ситуацией на практике, и русские солдаты в плену голодали. Они получали ровно столько малокалорийной и неприятной на вкус пищи, сколько необходимо было, чтобы не умереть от голода и истощения. Постепенно качество пищи стало ухудшаться, и в 1916 г. русские пленные получали по норме пустой суп из гнилых овощей и подслащённый крапивный чай [12. С. 86].

В России пленные офицеры и «классные чины» (чиновники), имея денежный оклад, покупали сахар в продовольственных магазинах: в месяц им полагалось выдавать по 2 фунта (819 г) [5. Л. 87]. Для сравнения: русские офицеры, классные чины, врачи и священники, находившиеся на военной службе, получали по 7 фунтов сахара (2,866 кг) [4. Л. 101, 114]. Русский солдат получал по пайковой норме 2,5 фунта хлеба (1,024 кг), 100 граммов крупы (24 золотника), как и вражеский пленный, состоящий на работах, фунт мяса (409,5 г, что на $\frac{1}{4}$ больше, чем у военнопленного). Кроме того, русскому солдату полагалось в 2,5 раза больше сахара, чем неприятельскому [10. С. 184–185]. Тем не менее пайковая выдача сахара для пленных комбатантов с каждым годом уменьшалась. Данная ситуация, зеркальная происходившей в странах Тройственного союза в годы мировой войны, была связана с тем, что именно производство сахара стало наиболее слабым звеном в системе пищевого потребления Российской империи. Резкое сокращение посевов сахарной свёклы, умышленное и планомерное её уничтожение русскими войсками по приказу Ставки верховного командования во время Великого отступления 1915 г., а также использование сахара в производстве взрывчатых веществ и спирта привели к кризису производства и потребления данного продукта в стране [10. С. 168].

М.В. Оськин в своём исследовании отмечает, что немецкие пленные, которых русские власти стремились в массовом порядке, начиная с 1916 г., отправлять в сельское хозяйство, где была огромная убыль мужского населения в результате мобилизаций, питались за счёт работодателей (частных лиц) в соответствии с нормами, зафиксированными в Стокгольмской конвенции, а иногда даже лучше. Хуже кормили только в помещичьих имениях [10. С. 186–187].

Таким образом, в России в лучших условиях находились неприятельские пленные, использовавшиеся на работах (особенно – на селе), нежели те, которые оставались в лагере. В Австро-Венгрии и Германии, где «кормильцем», как правило, выступало государство, ситуация была ровно противоположной. Кроме привлечения в аграрный сектор для оказания помощи крестьянам пленные использовались органами местного самоуправления Казанской и Симбирской губерний на работах по благоустройству городов, в мастерских и заводах

цензовой (мелкой и средней) промышленности. Также они работали в частных хозяйствах и артельных отрядах региона, что говорит о глубоком вовлечении пленных комбатантов в хозяйственную жизнь названных губерний.

На заключительном этапе войны неоднократно происходило сокращение и ухудшение качества, норм продовольственного питания и материального обеспечения пленных – это случилось накануне Февральской революции и в бытность председательства Временного правительства А.Ф. Керенским [11. С. 279, 453].

Тогда же были ужесточены правила содержания военнопленных офицеров, что отразилось в циркуляре от 17 января 1917 г. казанского вице-губернатора, «камергера Двора Его Величества» Дьяченко «О нормах ежедневной покупки продовольствия военнопленными офицерами». Согласно циркуляру был установлен следующий порядок практического выполнения распоряжения командующего войсками: 1) в каждой квартире военнопленных офицеров избирался заведующий хозяйством, в обязанности которого входила выработка ежедневного требования на продукты в соответствии с нормой, объявленной в приказе за № 1633; 2) этому офицеру воинским начальником выдавалась книжка с квитанциями, по которой только и могли быть отпущены продукты из лавок или с базара для пленных офицеров; 3) квитанции с занесённым в неё требованием обязательно утверждались уездным воинским начальником; 4) сами пленные офицеры ни в коем случае не должны были допускаться к посещению базаров и снабжению съестными припасами (циркуляр главноначальствующего Казанской губернии от 24 августа 1916 г. сообщал, что согласно установленным командующим войсками Казанского военного округа правилам ежедневно один из военнопленных офицеров направлялся на рынок для приобретения необходимых продуктов); 5) «отпуск» продуктов для пленных офицеров без установленных квитанций не допускался; 6) покупка продуктов для них возлагалась по распоряжению уездного воинского начальника на одного из нижних чинов русской армии [11. С. 313–315]. В связи с этими фактами, свидетельствующими об ухудшении материально-бытового и продовольственного обеспечения военнопленных, нельзя забывать о том, что часть оборванных, голодных и озлобленных пленных комбатантов представляла потенциальную опасность для политической стабильности в регионе [2. С. 355].

Однако в жизни военнопленных были и исключения из правил. Так, например, в приказе № 114 по Казанской местной бригаде «Об итогах смотра условий размещения военнопленных, произведённого по управлению ядринского уездного воинского начальника» о пищевом довольствии от 29 февраля 1916 г. было сказано: «На обед были приготовлены щи с порцией мяса на каждого, пшённая каша с салом; порции весили полфунта 12 золотников. Пища оказалась вкусной и питательной, готовится всегда скромная и одновременно на обед и ужин, и последний подогревается. Хлеб выпекается отличный на своей пекарне и выдаётся по 2 фунта каждому. Чай и сахар по положению с 8-го января» [11. С. 211].

К примеру, 10 января 1917 г. 27 пленных получили 13 фунтов 48 золотников сахара из солдатской лавки (по ½ фунта на человека – 204,5 г) [6. Д. 1043. Л. 176]. В другом случае, согласно сведениям из сообщения начальника Буинской уездной милиции уездному комиссару о положении и судьбе 288 славян – военнопленных, размещённых в Буинском уезде, следует, что последние, проживая в разных селениях, никаким притеснениям не подвергались, содержались отдельно от немцев и мадьяр, а все их просьбы по улучшению быта немедленно удовлетворялись

официальными властями. Правда, к подобным источникам нужно относиться с осторожностью, так как они могут не соответствовать действительности из желания местных властей продемонстрировать служебное рвение, и поэтому в ряде случаев такие сообщения требуют перепроверки [1. С. 90].

Недёшево обходилось и содержание военнопленных. В 1916 г. на довольствие больных и погребение умерших пленных, состоявших при управлении ядринского уездного воинского начальника, санитарным управлением было выделено 600 рублей [11. С. 205]. Согласно аналогичному приказу гражданского уездного воинского начальника подполковника Гесслера от 30 ноября 1915 г., на приварочное и мыльное довольствие военнопленных, размещённых при его управлении, окружное интендантство в 1915 г. выделило 1712 руб. [11. С. 147].

Выводы. В начале 1915 г. на основе спускаемых сверху циркуляров были разработаны общие принципы материально-бытового содержания и продовольственного обеспечения военнопленных, которые прибыли на территорию уездов Казанской и Симбирской губерний из центральных регионов Российской империи. К концу 1915 г. усилиями исполнительных, распорядительных и военных органов местной власти, прежде всего аппарата казанского и симбирского губернаторов, уездных воинских начальников, земских и городских управ, они были реализованы. К сожалению, в условиях затянувшейся жестокой и беспощадной войны принятое законодательство в отношении содержания пленных на территории Казанской и Симбирской губерний не всегда соблюдалось, иногда вопреки и по не зависящим от местных властей обстоятельствам не выдерживались нормы продовольственного питания и материального довольствия нижних чинов вражеских государств.

Но все же надо признать, что условия содержания военнопленных на территории Казанского военного округа были намного лучше, чем в странах Тройственного союза для пленных солдат русской армии, по крайней мере, на начальном этапе войны. Среди казарменно размещённых нижних чинов случались и вспышки инфекционных заболеваний, поэтому с целью профилактики заболеваний местные власти составляли санитарно-гигиенические правила для военнопленных. На территории вышеназванных губерний они, по крайней мере до конца 1916 г., сильно не голодали, чего не скажешь о других районах Российской империи. Связано это было с широким привлечением пленных к работам в сельском хозяйстве, частных мастерских, хозяйствах и в артельных отрядах, т.е. военнопленные, размещённые на территории региона, были вовлечены в хозяйственную жизнь названных губерний. Положение пленных напрямую зависело от экономической и внутривнутриполитической ситуации в стране. Её ухудшение приводило к снижению уровня бытового обслуживания, качества жизни и материального довольствия пленных комбатантов на территории чувашских уездов Казанской и Симбирской губерний.

Литература и источники

1. Дулатов Б.К. Военнопленные-славяне Первой мировой войны в Симбирской губернии (по материалам Государственного архива Ульяновской области) // Славяноведение. 2018. № 4. С. 81–90.
2. Дулатов Б.К. Пребывание австро-венгерских военнопленных и беженцев в Поволжье в контексте экономических и политических процессов в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Волгоградской области) // Русин. 2019. № 57. С. 349–373.
3. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1107.
4. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 79. Оп. 1. Д. 379.

5. ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1384.
6. ГИА ЧР. Ф. 86. Оп. 1.
7. ГИА ЧР. Ф. 306. Оп. 1. Д. 298.
8. *Козлов Ф.Н.* Австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии // Первая мировая война в истории народов Поволжья: материалы межрегиональной научно-практической конференции / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров; ЧГИГН. Чебоксары, 2015. С. 99–109.
9. *Николаев Г.А.* Изменение производительных сил в сельском хозяйстве Чувашии в годы Первой мировой войны // Чувашия в годы Первой мировой войны: сб. ст. / НИИ яз., лит., ист. и экон. при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1985. С. 3–26.
10. *Оськин М.В.* Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М.: Вече, 2011. 432 с.
11. Первая мировая война: австро-венгерские и германские военнопленные в Чувашии (документы и материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики) / сост. Ф.Н. Козлов. Чебоксары: Новое Время, 2014. 520 с.
12. *Киреева Ю.В.* Обзор документов Российского государственного военно-исторического архива об иностранных военнопленных в России в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 7–8 сентября 2004 г. / [отв. ред. В.П. Козлов]; РАН. М.: Наука, 2006. С. 82–88.
13. *Сергеев Т.С.* Размещение и трудоустройство в Чувашии военнопленных Первой мировой войны // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 161–172.

БЛИНЯЕВ СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Чувашский государственный аграрный университет, Россия, Чебоксары (semen-blinjaev@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1686-1214>).

Semen N. BLINJAEV

FOOD AND SANITARY PROVISION OF AMENITIES FOR WAR PRISONERS IN THE TERRITORY OF KAZAN AND SIMBIRSK GOVERNORATES DURING THE FIRST WORLD WAR

Key words: *war prisoners, World War I, Kazan governorate, Simbirsk governorate, material and living situation, sanitary and hygienic rules, payment in kind, food supply for war prisoners.*

The publication is timed to coincide with the 110th anniversary of the outbreak of the First World War and is devoted to the problems of war captivity, which, due to serious geopolitical changes in the international arena related to the ongoing special military operation in the Ukraine and the war in the Middle East, have acquired special relevance and attracted the attention of the world community.

The purpose of the study is to consider issues related to the policy of local authorities on implementing the guidelines given by the center regarding the material and living maintenance and food supply for war prisoners in the territory of Kazan and Simbirsk governorates during the First World War.

Materials and methods. *The aspects of the issue are investigated on the basis of unpublished archival documents of the State Historical Archive of the Chuvash Republic, the State Archive of Ulyanovsk region, information materials making the thematic collection of documents of the State Historical Archive of the Chuvash Republic in 2014 and scientific works of domestic historians. In developing the problem, general historical methods of analysis and generalization and special historical methods (historical-comparative, structural-functional, problem-chronological) were used.*

Results. *The analysis of the materials making the thematic collection and archival documents made it possible to identify various aspects in the way that local civil and military authorities organized the material and living maintenance and food supply of Austro-Hungarian and German war prisoners during the first world conflict within the territorial borders administratively included today in the Chuvash Republic. Using the example of Kazan and Simbirsk governorates, the issue of payment in kind, food provision for war prisoners and the development of sanitary and hygienic rules for them is studied. The objective causes*

and consequences of social and living situation deterioration, material security and food allowance of war prisoners by the end of the First World War are indicated, which was associated with the general negative vector in socio-economic and domestic political development of Russia.

Conclusions. It can be stated that in the context of executing the circulars sent down from above, the local authorities developed general principles of material and living maintenance and food provision for war prisoners who arrived on the territory of Kazan and Simbirsk governorates from the central regions of the Russian Empire, and by the end of 1915 they were implemented by the efforts of executive, administrative and military local authorities, primarily by the executive offices of Kazan and Simbirsk governor, district military chiefs, zemstvo and city administrations. In conditions of a protracted war, the norms of food and material allowances for lower ranks and officers of enemy states were not always observed, but they were better than in the countries of the Triple Alliance for captured soldiers of the Russian army. To prevent diseases, local authorities compiled sanitary and hygienic rules for war prisoners. In the territory of Kazan and Simbirsk governorates, they were involved in work in agriculture, private workshops, farms and in the artel detachments of the region, and therefore they did not starve much until the end of 1916. However, the situation of war prisoners directly depended on the economic and domestic political situation in the country. Its deterioration resulted in a decrease in the level of domestic services, quality of life and material provision of captured combatants in the territory of Kazan and Simbirsk governorates.

References

1. Dulatov B.K. *Voennoplennye–slavyane Pervoi mirovoi voiny v Simbirskoi gubernii (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Ul'yanovskoi oblasti)* [Slavs prisoners of war of the First World War in the Simbirsk province (based on the materials of the State Archive of the Ulyanovsk region)]. *Slavyanovedenie*, 2018, no. 4, pp. 81–90.
2. Dulatov B.K. *Prebyvanie avstro-vengerskikh voennoplennykh i bezhentsev v Povolzh'e v kontekste ekonomicheskikh i politicheskikh protsessov v gody Pervoi mirovoi voiny (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Volgogradskoi oblasti)* [The stay of Austro-Hungarian prisoners of war and refugees in the Volga region in the context of economic and political processes during the First World War (based on the materials of the State Archive of the Volgograd Region)]. *Rusin*, 2019, no. 57, pp. 349–373.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond 76. Opis 1. Document 1107* [The State Archives of the Ulyanovsk region. Archive 76. Anagraph 1. Document 1107].
4. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 79. Opis 1. Document 379* [State Historical Archives of the Cuvash Republic. Archive 79. Anagraph 1. Document 379].
5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 82. Opis 1. Document 1384* [State Historical Archives of the Cuvash Republic. Archive 82. Anagraph 1. Document 1384].
6. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 86. Opis 1* [State Historical Archives of the Cuvash Republic. Archive 86. Anagraph 1].
7. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 306. Opis 1. Document 298* [State Historical Archives of the Cuvash Republic. Archive 306. Anagraph 1. Document 298].
8. Kozlov F.N. *Avstro-vengerskie i germanskije voennoplennye v Chuvashii* [Austro-Hungarian and German prisoners of war in Chuvashia]. In: *Pervaya mirovaya voina v istorii narodov Povolzh'ya: materialy mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Proc. of Int. Sci. Conf. «The First World War in the history of the peoples of the Volga region»]. Cheboksary, 2015, pp. 99–109.
9. Nikolaev G.A. *Izmenenie proizvoditel'nykh sil v sel'skom khozyaistve Chuvashii v gody Pervoi mirovoi voiny* [The change of productive forces in agriculture in Chuvashia during the First World War]. *Chuvashiya v gody Pervoi mirovoi voiny: sb. statei* [Chuvashia during the First World War: collection of the station]. Cheboksary, 1985, pp. 3–26.
10. Os'kin M.V. *Neizvestnye tragedii Pervoi mirovoi. Plennye. Dezertiry. Bezhentsy* [Unknown tragedies of the First world war. Prisoner. Deserters. Refugees]. Moscow, Veche Publ., 2011, 432 p.
11. Kozlov F.N. *Pervaya mirovaya voina: avstro-vengerskie i germanskije voennoplennye v Chuvashii (dokumenty i materialy Gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Chuvashskoi Respubliki)* [World War I: Austro-Hungarian and German prisoners of war in Chuvashia (documents and materials of the State historical archive of the Chuvash Republic)]. Cheboksary, Novoe Vremya Publ, 2014, 520 p.
12. Kireeva Yu.B. *Obzor dokumentov Rossiiskogo gosudarstvennogo voenno-istoricheskogo arkhiva ob inostrannykh voennoplennykh v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918)* [Review of documents of the Russian State Military Historical Archive on foreign prisoners of war in Russia during the First World War (1914–1918)]. In: *Poslednyaya voina Rossiiskoi imperii: Rossiya, mir nakanune*,

v khode i posle Pervoi mirovoi voiny po dokumentam rossiiskikh i zarubezhnykh arkhivov: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 7-8 sentyabrya 2004 g.) [Proc. of Int. Sci. Conf. «The last war of the Russian Empire: Russia, the world on the eve, during and after the First World War according to the documents of Russian and foreign archives»]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 387 p.

13. Sergeev T.S. *Razmeshchenie i trudoustroistvo v Chuvashii voennoplennykh Pervoi mirovoi voiny* [Placement and employment of prisoners of war of the First World War in Chuvashia]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2019, no. 2, pp. 161–172.

SEMEN N. BLINJAEV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General Education Disciplines, Chuvash State Agrarian University, Russia, Cheboksary (semen-blinjaev@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1686-1214>).

Формат цитирования: *Блиняев С.Н.* Продовольственное и санитарное обеспечение быта военнопленных на территории Казанской и Симбирской губерний в годы Первой мировой войны // Исторический поиск / Historical Search. – 2024. – Т. 5, № 4. – С. 5–14. DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-4-5-14.